

ПЛАСТИНКА

Когда-то существовало в Москве такое учреждение — Центропечать. Помещалось оно на Тверской улице, в доме под номером 38. Теперь и улица та называется по-иному, и в доме номер 38 другие прописаны учреждения. И все же запомним именно этот адрес: Тверская, 38.

Здесь в 1919—1921 годах записывали на граммофонные пластинки голос Ленина.

Самые первые записи осуществлялись в Кремле в специально каждый раз подготавливаемом помещении, но это было сопряжено с большими трудностями по перевозке аппаратуры, были и другие сложности, и в конце концов пришлось перебазироваться в Центропечать. Правда, при этом возникали дополнительные хлопоты для Ленина, и работники Центропечати не сразу решились обратиться к нему с просьбой о перемене места записи. Не хотели лишний раз отрывать и беспокоить. Узнав об этом, Владимир Ильич сказал:

— Для полезного дела время всегда выкроим. Еще немного позже будем ложиться, еще немного раньше вставать — вот и решена проблема! Не правда ли, как просто?

Так или иначе, удалось записать пятнадцать речей Ленина: «Обращение к Красной Армии», «Что такое Советская власть», «О III Коммунистическом Интернационале», «О крестьянах-середняках», «О продналоге»...

Слух о том, что появились пластинки с голосом Ильича, стал быстро распространяться. В Центропечать потянулись люди с заводов, из деревень, из красноармейских частей. Приходили на Тверскую, 38, и просили, чтоб им сейчас же, немедленно завели граммофон. Прополушав хотя бы одну из речей Ленина, заявляли:

— Это как раз то, что нужно! Этому поверит любой.

Спрос на пластинки возрастал с каждым днем, их не успевали изготавливать в нужном количестве. Единственная в России Апрелевская фабрика под Москвой не справлялась, пришлось срочно создавать вторую.

Ленину, конечно, было известно обо всем этом, он старался оказать помощь товарищам из Центропечати — учитывал, в каких сложных условиях приходилось им работать.

Регламент записей был жесткий — каждая речь Владимира Ильича должна была непременно уложиться ровно в три минуты. Первое время никак не получалось — то «перелет», то «недолет»... Люди, возившиеся со сложными аппаратами, волновались, нервничали. Ленин, как мог, успокаивал их:

— Это я виноват. Не могу сразу приноровиться. К очередной записи подготовлюсь более тщательно.

И в следующий раз являлся с выверенным во времени текстом.

— Видите, стараюсь! Мне хочется, чтоб наша пропаганда всегда была на высоте. Рабочие, крестьяне и красноармейцы, которые штурмуют Центропечать, ведь не какого-то отдельного человека слышать хотят — им хочется, чтоб к ним обращалась партия, чтоб власть наша Советская с ними разговаривала, правильно?

— Правильно, Владимир Ильич. Но им нужно о планах и мыслях партии и народной власти услышать именно от вас. Так все ходоки в один голос заявляют.

— Вы это серьезно? Так и заявляют? — Ленин прищурил глаза.

— Именно так, Владимир Ильич. У кого угодно спросите.

— Тогда тем более надо стараться!

Готовую запись Ленин в большинстве случаев прослушивал сам. Иногда спрашивал, похож ли его голос, и недоверчиво пожимал плечами, когда ему говорили, что похож очень, что

прекрасно воспроизведены все его оттенки и интонации. Особенно в этом отношении удалась пластинка с речью «О крестьянах-середняках».

Но однажды произошла досадная осечка. Произнося перед записывающим аппаратом речь, Владимир Ильич раза два оговорился. Заметили это, когда изготовили первые экземпляры пластинки. Необходимо было сделать новую запись, но стеснялись попросить Ленина заново читать уже читанный им текст. Придумали целую легенду — техника, мол, часто подводит, иглы тупятся и т. д. Все это было очень похоже на правду, но правдой не было. Владимир Ильич сразу почувствовал фальшь и попросил завести забракованную пластинку. Слушал ее внимательно, а после окончания лукаво поглядел на собравшихся в студии.

— Техника, говорите, подводит? Иглы тупятся? Намек ясен! Все понял, приношу свои извинения, будем переписывать.

Через несколько дней была сделана новая запись, но в этот раз Ленин не уехал, пока не убедился, что теперь никаких «опечаток» нет.

Забракованную пластинку работники отдела упрытали подальше, на самый верхний стеллаж, чтоб не напоминала Ильичу о его оговорках. А он, приезжая на следующую запись, непременно находил ее, просил «прокрутить» с начала до конца и смеялся в тех местах, где два-три слова его «не послушались». Как-то завел даже такой разговор:

— Очень прошу вас, товарищи, подарите, пожалуйста, мне эту пластинку в личную коллекцию. Сделайте такое одолжение. Можно?

Находившиеся в студии работники сначала подумали, что Ленин шутит, и не знали, как на шутку отреагировать.

Но Владимир Ильич говорил, оказывается, без всякой иронии, совершенно серьезно:

— Обзаведусь когда-нибудь граммофоном, буду иной раз заводить и слушать. Со всеми замеченными «опечатками». Полезное дело — учиться на ошибках. Полезнейшее! Согласны?

Кто-то ответил:

— Тут спору нет, Владимир Ильич...

— Вот и товарищ такого же мнения. Превосходно! Раз уж мы условились с вами, что с помощью пластинок партия говорит с народом, то пусть говорит на чистом, предельно вынутом языке.

Пришлось работникам Центропечати выполнить необычную просьбу Ленина. Не известно вот только, довелось ли когда-нибудь Ильичу прослушать ту пластинку еще хоть раз. Говорят, граммофоном он так и не «обзавелся».

Не знаю даже, сохранилась ли вообще та пластинка. Скорей всего, нет. Но, услышав однажды эту историю, я уже не могу забыть о ней.

Так и крутится в моем воображении черный диск, так и вертится. Бежит, слегка дребезжа и подпрыгивая, по его бороздкам игла, которая с течением годов не тупится, нет, не тупится. Становится еще остree ее серебристое перышко — отчетливо, чисто, четко выводит живое ленинское слово.

О Коммунистическом Интернационале.

О Красной Армии.

О Советской власти...

